

Казанова

Анатолия Николаевича, несмотря на весьма непрезентабельную внешность, все называли Казановой. Был он небольшого росточка, с объёмистым брюшком. Ходил, переваливаясь, как гусь, на коротких кривоватых ногах и всегда улыбался. Улыбка не сходила с его лица и казалась неестественно приклеенной, потому что сложно улыбаться, выполняя физическую работу. Анатолий Николаевич служил плотником в весьма высоком учреждении. Прикалывая плинтус или меняя замок, он стрелял маленькими глазками в разные стороны, без стеснения разглядывая лица, бёдра, ножки обладательниц кабинетов. Они, естественно, краснели и бледнели под его взглядами, натягивали юбки на коленки, кутались в шали, стремясь скрыть-спрятать обнажённую плоть. Но Казанову это не смущало.

Каждый сантиметр женского тела будил в нём страсть. С одинаковым вожделением смотрел он на женские пяточки, губы, вырез на груди, открытые коленки. При этом говорил, говорил, говорил. Рассказывал пошлые анекдоты, шутил, проговаривал хохмы позапрошлого века, цитировал Петросяна и Арлазорова, не удивляясь тому, что никто не смеётся. На дам, особо понравившихся ему, устраивал настоящую охоту: поджидал в коридоре, старался подсесть поближе в столовой, с дурашливой галантностью уступал дорогу и раскланивался. При этом его лысины со щёткой жёстких волос на затылке блестела от пота и неутолённых желаний. На обед Анатолий Николаевич никуда не уходил. Обедал тут же в учреждении, являясь в столовую к открытию. Неторопливо и степенно хлебал борщик. Вкусал гуляш, запивал всё это чаем, но при этом наслаждался не столько пищей, сколько щебечущей на все лады громадной стаей девушек и зрелых дам, слетавшихся к кормушке. Особенно он оживлялся, когда обед служащих подходил к концу и зал заполнялся пришлой публикой. Анатолий Николаевич позволял себе даже подсаживаться за столик к незнакомым барышням, пытался говорить комплименты, рассказывал анекдоты. Но, увы! Все его потуги обратить на себя внимание оставались безуспешными. То есть его нелепая фигура и неуклюжие шутки вызывали смех и раздражение.

— Я всегда говорил, говорю, и буду говорить, — произносил он, опускаясь на стул рядом с очередной жертвой, — что сырую воду пить вредно.

Девушки вежливо прыскали в кулачок и старались отодвинуться подальше от странного субъекта. К концу рабочего дня улыбка с лица Анатолия Николаевича начинала спадать. Разглаживалось лицо, в глазах появлялась некоторая хмурость и напряжение. Он не торопился домой. Очень медленно складывал инструмент, ещё медленнее переодевался и, тяжело выкатывая брюшко впереди себя, выходил на улицу.

Когда-то у Анатолия Николаевича была семья. Вернее, была жена. Деток им Бог не дал. А вот у жены от первого брака была дочка Люсенька. Познакомился Анатолий с Еленой на вечере в заводском Доме культуры. Работал он тогда наладчиком станков. Работа была, как принято выражаться, престижная. И платили неплохо. Так что женихом он был завидным, с квартирой и неплохим достатком. А Ленка в ту пору второй год жила в заводском общежитии после того, как ушла от непутёвого мужа-гулёны. Влюбился в неё Анатолий Николаевич без памяти. Не посмотрел, что старше она на два года и что ребёнок имеется. Правда, тогда многие ему говорили, что не по себе дерево рубит. Елена статная красавица с роскошнойрусой косой. А он тогда ещё был не толстый, но кряжистый, крепкий, рукастый парень. Из-за разницы в росте пришлось Лене отказаться от высоких каблуков. Уже только это покорило Анатолия и ещё больше привязало к жене. До неё как-то не складывались у Анатолия Николаевича отношения с противоположным полом. После первого же свидания они почему-то, теряли к нему интерес. Хотя он, памятуя о том, что барышни любят весёлых лихих парней, изо всех сил пытался рассмешить понравившуюся ему девушку. Анатолий даже записывал и заучивал анекдоты, чтобы всегда иметь, как говорится, под рукой смешинку на все случаи жизни. Этому нехитрому приёму научил его ещё армейский приятель.

— Ты, Толя, не тушуйся, — говорил он, — главное, ошараширить девицу весельем и лихостью. Расскажи пару анекдотов. Посмеёшься. Проходишь мимо клумбы в городском саду, сорви для неё цветок. Проходишь мимо сада, не постесняйся залезть на дерево и сорвать яблоко барышне. И лихость, и храбрость тем самым

покажешь. А ещё запомни несколько стихотворений. Иные девушки страсть как стишки любят.

Приятель слыл записным сердцеедом. Ему хотелось верить. Поэтому правила эти Анатолий запомнил и свято соблюдал. Являясь на свидание с букетом цветов, он всегда декламировал: хрустел в кармане маленький остаток денег, от всей души дарю вам этот веник.

Этот стишок сочинил сам, чем очень гордился. И лихость в нём была, и веселье. Когда Анатолий Николаевич понял, что приёмчики от приятеля не помогают, стукнуло ему тридцать шесть годов. Ровесницы давно были замужем, а малолеткам он был не нужен.

Тут-то и случилась встреча с Еленой. В первый же вечер она сама взяла его под руку и сказала: «Ну что ты всё выкаблучиваешься? Анекдотами меня пронять хочешь? Ты лучше про родителей своих расскажи».

Сразу стало легко и просто. Толя обмяк и не то чтобы посерёзнул, а слетела с него шелуха, которой оброс он за годы холостяцкой жизни. А тут словно кедровую шишку расщепили и явили миру зёрнышко маслянисто-белое да упругое, на удовольствие и на пользу.

Всё у них сладилось. Двадцать лет пролетели как один день, а они с Еленой даже не поссорились ни разу. Дочка Люся к Анатолию быстро привыкла, называла папкой и во всём слушалась. А то, что своих детишек не случилось, Анатолия Николаевича мало заботило. Уж так хорошо ему было, что иногда вечером, глядя, как Елена распускает, расчёсывает косу на ночь, чувствовал он, как сладко замирает сердце и щекочет в носу от желания заплакать. Вдруг всё исчезнет, улетучится... Выглядывающее из-под широкой лямки ночной сорочки обнажённое плечо приводило его в состояние, близкое к молитвенному. Когда жена, собираясь выйти из дома по каким-то своим женским делам, присаживалась обуваться, Анатолий Николаевич стремглав бросался к ней, чтобы прикоснуться, вложить в туфельку бело-розовое чудо Елениной ноги с блестящими ноготками пальчиков и невинно шершавой пятой. А к Люсе он так привязался, что казалось, другого ребёнка у него и не могло быть. Хорошо помнил Анатолий Николаевич, как вместе с Еленой собирали они Люсю в первый класс. Он сам выбирал ей в магазине яркий ранец, покупал тетрадки, ручки, а в довесок подарил большого плюшевого зайца, у которого на шее висела бирочка с надписью «Умник».

Потом Люся пошла в музыкальную школу, и Анатолий Николаевич оформил в кредит покупку пианино. Когда инструмент привезли из магазина и втащили в квартиру, то, кажется, больше всех радовался он сам. С шумом откупорил бутылку шампанского, заставил всех, даже грузчиков, выпить, брызнул на пианино, громко повторяя, словно пробуя на вкус, доселе почти неизвестное ему слово «фортепьяно».

— Надо же! Фортепьяно, фортепьяно, пьяно, пьяно! — воскликнул он.

По вечерам водил Анатолий Николаевич Люсю в музыкальную школу. И, чувствуя в своей руке маленькую доверчивую ручонку ребёнка, оглядываясь на себя, как бы со стороны, думал: неужели это он ведёт дочку не куда-нибудь, а в музыкальную школу. Под ногами скрипел молодой снежок, мелькали рядом прохожие, почти не замечающие оттого, что душа Анатолия Николаевича была занята осознанием богатства, неведомо за что полученного им. И так было страшно это богатство потерять!

Как-то незаметно Люся выросла, вышла замуж, родила ребятёнка — девочку. Лена, понятное дело, зачастila к дочери, которая теперь жила самостоятельно с мужем на другом конце города. То пелёнки-распашонки готовить малышке, то

коляски выбирать. Всё это было понятно. Только вот Анатolia она от этих забот отстранила, словно был он Люсе чужой человек. Из роддома Люсю они встречали вместе. На смотрины, когда внучке исполнилось два месяца, тоже вместе ездили. И вдруг как ножом отрезало. Вечером Елена приоденется, подкрасится, дверью хлоп — «Я к Люсе». Возвращается поздно, а то и заночует у дочери.

Анатолию Николаевичу объясниться бы с женой. Ногой что ли топнуть по-хозяйски. Да только совпало это с неприятностями на работе. Всю страну поставили на уши демократы-приватизаторы. В одночасье завод, на котором работал Анатолий Николаевич, остановился, и начали его продавать по частям. Руководил всем этим безобразием главный заводской инженер по фамилии Березайский. Помнил его Анатолий ещё молодым специалистом, выпускником политеха, которого старые мастера уму-разуму учили. Да и он, надо сказать, не стеснялся спрашивать. Научили на свою голову. Завода не стало. Зато появилось закрытое акционерное общество «Родион», на котором клепали металлические киоски — «Батискафы», как их прозвали рабочие. А генеральным директором новоявленного предприятия стал, конечно же, Родион Юрьевич Березайский. Анатолий Николаевич поначалу растерялся, а потом надумал зажигалки мастерить, металлические коробки-горбовики клепать для ягодников. Оборудовал в гараже своём мастерскую, а изделия сдавал перекупщикам на Глазковском рынке. Так и жили. На хлеб хватало, и ладно. Только не додумал Анатолий Николаевич, что женщине одного хлеба маловато будет. Ей надобно время от времени красоту свою показать, естеством своим женским похвалиться. А для этого ой как много требуется: и платьице новое, и пальтишко, и сумочка, и парфюм всякий. Вот и вертелся Анатолий Николаевич. Он, можно сказать, дневал и ночевал в своём гараже. Но денег катастрофически не хватало. Так бы оно и шло, да вдруг увидел Анатолий Николаевич на жене новое платье, а потом ещё одно.

И стало ему как-то неуютно, словно сам он согрели. Хотел было спросить, откуда обновки, но не решился из боязни услыхать нечто такое, чего и знать не следует.

А Елена просто расцвела. Даже перестала упрекать мужа за малый заработка. Только чаще стала оставаться у дочери с ночевой. А однажды, возвращаясь поздно из мастерской, увидел Анатолий Николаевич, как подкатила к их подъезду беленькая иномарка. Вышел из неё импозантный мужчина, обошёл машину и помог не выйти, а выпорхнуть из салона его Елене. Была она такой молодой и яркой в туфельках на высоком каблуке, и не скажешь, что за шестьдесят, что нашёл на Анатolia столбняк. Остановился он. Руки-ноги онемели, в горле пересохло. Крикнул бы, да голоса нет. А что крикнул бы? «Помогите! Спасите!»? А кого спасать? От кого?

Мужчина приобнял Елену. Легко так, по-хозяйски, поцеловал в губы, прыгнул в машину и уехал. Процокали по асфальту каблучки жены, хлопнула дверь подъезда. Анатолий Николаевич всё стоял и смотрел. А может, ждал, что кто-то большой и сильный скажет ему, что всё это померещилось и ничего такого не было. Удушающее пахла после дождя расцветающая сирень. И этот горький запах, сумерки, мягкий свет фонарей слились в его памяти в странную картинку, не дающую уснуть весенними вечерами, заставляя вновь и вновь переживать случившееся.

Анатолий Николаевич не помнил, как добрался до своей квартиры, открыл дверь. Елена вышла навстречу уже в домашних тапочках. Глянув в лицо супругу, она, не пряча глаза, спокойно и просто рассказала о том, что давно уже встречает-

ся со своим первым мужем Борисом Борисовичем, как объединила их совместная забота о внучке. Всё-таки родная кровь. Борис Борисыч взял на себя все расходы по содержанию и дочери, и внучки. Ему это не в тягость. Давно зовёт жить вместе. Видно, судьба.

Анатолий Николаевич разился и, тяжело топая пятками по полу, прошёл молча, не зажигая света на кухне. Сел у окна и замер. Свет уличных фонарей, пробиваясь сквозь ветки клёна, превращался в мозаику, пятнающую стены кухоньки и лицо Анатолия Николаевича. Но даже этот малый свет нестерпимо бил в глаза, вызывая слёзы. А Лена все говорила и говорила... Потом она кому-то звонила. Быстро и споро уложила чемоданы. Приехал Борис Борисович. Заглянул на кухню, где сидел Анатолий Николаевич, молча вынес чемоданы. Вошла Лена и села рядом. Она снова, что-то говорила, но Анатолий слышал только музыку её голоса, такого родного и милого. Смысл слов не доходил до него. Словно говорливый ручей бежал, бежал и, ударившись о запруду, стал разливаться. И чем шире расходилась вода, темтише она вела себя. Бурля у плотины, кругами расходилась дальше и дальше, облегчённо смиряясь с обстоятельствами жизни.

Так и горе Анатолия Николаевича, заполнив всю его душу, не выплеснулось наружу. Оно оказалось плотно запечатано глубоко внутри. И только сам Анатолий знал, как тяжело бурлит в нём этот чёрный поток, которому нет и не может быть выхода наружу. Он по-прежнему что-то мастерил, продавал, спал и ел. Другой бы на его месте запил горькую. Но Анатолий Николаевич и в молодости не был любителем зелья. И водка, и табак внушали ему отвращение. Кто-то из гаражных приятелей присоветовал вышибать клин клином. Подумаешь, баба ушла, говорили, так найди другую. Вон их сколько, одиноких баб!

В ту пору подвернулась Анатолию Николаевичу вакансия. Удалось с помощью давнего дружка устроиться плотником в высокое учреждение.

— Ты только не зевай! — наставлял приятель. — Это же малинник!

И Анатолий Николаевич не зевал. Он шутил, смеялся, рассказывал анекдоты. Но в каждой женщине, с которой он пытался говорить, в их коленках, пятках виделась ему Елена. И не было от этого никакого спасения. Чем ближе к вечеру, тем тяжелее ему становилось. И так не хотелось идти домой, хоть плачь.

А назавтра снова шутил, смеялся и репейником цеплялся к каждой проходившей женщине, хотя и сам уже не понимал, для чего это ему надо.

И снова была весна. Выстреливали клейкие почки тополей и клёнов. Тужилась расцвести сирень, но холодные ветры заставляли малые соцветия съёживаться, никому не показывая свою лиловую нежную суть. В тот день Анатолий Николаевич как всегда медленно-медленно переоделся и, словно ища причину, по которой можно было бы задержаться на работе, огляделся и вдруг присел на стул. Неожиданно резко заныло сердце и стало тяжело дышать. Отдышавшись, он поднялся и побрёл к выходу. Впереди был очередной пустой и тягучий, как безвкусная ириска, вечер. Торопиться незачем, а идти недалеко.

Подходя к своему подъезду, услыхал Анатолий Николаевич странный писк. Наклонился и углядел под лавочкой лопоухого смешного собачёныша. А тот, увидев человека, радостно засеменил навстречу, поскуливая то ли от жалости к самому себе, то ли от счастья, что встретил большого и сильного защитника. Анатолий Николаевич, не обращая внимания на боль в груди, поднял щенка и, прижимая его к себе, вошёл в подъезд. Открыл дверь и, не снимая ботинок, прошёл в комнату, где сразу лёг на диван, почти выронив щенка на пол.

Утром соседка по лестничной клетке увидела, что дверь в квартиру Анатолия Николаевича приоткрыта. Ещё из прихожей она увидела соседа странно неподвижно лежащим на диване. А на полу плакал-скулил смешной лопоухий щенок.

…Когда Анатолия Николаевича хоронили, то в ритуальный зал проводить его пришли две сердобольные старушки-уборщицы и начальник отдела, в котором работал покойный. Молча стояли они у гроба, в котором лежал наш Казанова, строго поджав губы, всем своим видом как бы показывая, что он устал шутить и улыбаться…

Последний полёт

Прошло всего пять дней с тех пор, как мой вертолёт Ми-8 был сбит при высадке десантно-штурмовой группы. Переносной зенитно-ракетный комплекс превратил вертушку в костёр, а меня — в обгоревший обрубок. Мой мозг ещё жил, но руки и ноги уже не имели ничего общего с тем, что все остальные люди могли назвать руками и ногами. Я был без сознания, а когда изредка приходил в себя и боль становилась нестерпимой, мне вкалывали дозу кетонала, и я уходил в страну сновидений. Я знал, что ко мне прилетела жена. Я чувствовал её рядом. Но моё обгоревшее лицо, вероятно, пугало её, и я не хотел, чтобы она видела меня таким.

Лучше бы я погиб сразу. Но Богу было угодно сохранить мне жизнь и превратить её в сплошную череду всплесков боли и мучений. Словно кто-то всемогущий испытывал меня на прочность, искал и не мог найти предел моего терпения. Я уже не чувствовал и не знал есть ли у меня конечности, глаза, уши. Всё это было болью. Где же этот укол?! Где??!

И вот, наконец, боль становится глушее. Она не уходила совсем. Она только отступала на несколько шагов. Боль ждала, когда я вернусь из очередного полёта. А пока я улетал…

Моё тело оставалось в душной палате госпиталя среди хрюпов и стонов таких же, как я, обрубков, а душа отправлялась в полёт.

Я летел в прозрачном светлом небе. Подо мной изредка проплывали лёгкие пушистые облака. Это было то, о чём я мечтал всю жизнь — физическое ощущение счастья. Счастье и полёт для меня всегда были синонимами. В детстве я вовсе не собирался стать лётчиком, хотя вырос в авиационном гарнизоне. Я не чувствовал романтики в гарнизонной жизни. Рёв тяжёлых воздушных кораблей над нашим домом не будил моё воображение.

Интерес к авиации у меня появился значительно позже. Он пришёл после прочтения книг Антуана де Сент Экзюпери. Его философия нежного мужества, умения видеть сверху тропинки, ведущие от колодца к колодцу, от сердца к другому сердцу, привела меня в восторг. Я вдруг почувствовал, как это важно соединять друг друга паутиной слов. Словом, я стал пытаться писать. Писал стихи, новеллы, сказки. Но сейчас можно с уверенностью назвать всё, что было написано мной в те юношеские годы, розовыми соплями.

Позже, в лётном училище, я понял, что пора выбирать между авиацией и литературой. И та и другая музы требовали полной самоотдачи и не прощали измены. Я выбрал авиацию. Но с годами желание рассказать об увиденном становилось всё сильнее. Убедив себя однажды в том, что Экзюпери из меня не получился, я просто запретил себе писать.

Но кто мог запретить мне поймать и спрятать в тайник памяти меткое слово, интересную историю. Тем более, что в авиации каждый лётный день наблюдательному человеку мог принести несколько сюжетов.

Пока я грузил себя воспоминаниями, зелёнка подо мной стала слегка темнеть, тени на склонах гор стали резче, ветерок, так приятно овевающий меня в полёте, стал прохладней. Вдруг на горизонте, на фоне закатного солнца, я увидел чёрную точку.

Я даже не успел подумать, что это. Точка, приближаясь,росла, и вскоре я увидел девушку. Она была в лёгком белом платье, и чем ближе подлетала она ко мне, тем неестественней казалась мне её поза. Она летела, лёжа на спине, запрокинув бледное лицо. Время от времени её тело принимало почти вертикальное положение, а затем голова всё больше запрокидывалась назад, и она продолжала полёт, двигаясь ногами вперёд. Я раскинул руки и выполнил подъём переворотом для набора высоты. Потом облетел вокруг девушки. Она не реагировала. Глаза её были закрыты. Какое-то время мне даже не приходило в голову, что она мертва. Слишком уж хорошо я чувствовал себя в небе. Слишком хорош был этот вечер. Снизу слегка тянуло запахом листвы, дымом костра, свежескошенной травой.

Небо стало темнеть быстрее. Зажглись звёзды. Скорость полёта росла, а вместе с ней росло чувство тревоги. Словно кто-то ледянной рукой пытался взять меня за горло. Я, не знаю почему, стал снижаться. Выбрать площадку для приземления было сложно, так как внизу было уже совсем темно. Вдруг словно театральный прожектор выхватил из темноты ровную поляну, на которой стоял стол. За столом сидел человек.

— Браво! — сказал он и несколько раз хлопнул в ладоши, когда я приземлился. — Браво! Вы, лётчики, как дети. Радуетесь пустякам. Огорчаетесь из-за мелочей. Находите удовольствие в подражании птицам. Я смотрел, как ты заходил на посадку. Как ворон. Видел, как вороны садятся? Клюв вытянул, грудь прогнулся, крылья растопырил. Вот так и ты — грудь прогнулся, руки растопырил. А зачем? Ведь летел ты сюда только потому, что мне этого захотелось. И твоё красивое грамотное приземление на этой площадке — моих рук дело.

Я стоял молча, не зная, как себя вести. Чувство тревоги не проходило. Ко всему я почувствовал какой-то странный запах, название которого не мог вспомнить.

Человек за столом на мгновение замолчал, потёр руки и, подняв голову, сказал:

— Ну, что же, проходи, садись. — При этом глаза его странно блеснули из-под тёмных густых бровей.

Я подошёл к столу и сел, разглядывая человека.

— Итак, со свиданьицем, как вы говорите, — он поднял бокал. — Ну, что ты стесняешься? Я ведь знаю, что ты любишь коньяк. Я даже знаю, что когда-то твой командир, полковник Азаров, сказал: «Настоящий офицер и лётчик должен пить коньяк, на худой конец, водку, а остальное — баловство».

Да, это было удивительно. Он знал об Азарове. Но я решил не удивляться. Что будет, то будет. Поднял широкий коньячный бокал и пригубил.

В лице моего собеседника было что-то восточное. Смуглая кожа, нос с горбинкой, чёрные волосы, небольшая бородка. Его можно было назвать красивым, если бы не какая-то звериная, пугающая грация. Особенно портила его улыбка. Улыбаясь, он показывал крупные ослепительно белые зубы. «Прямо-таки персонаж для рекламы «Дирола», — подумал я.

— Не слишком ли мелко ты судишь обо мне? — усмехнулся восточный человек.

Я вздрогнул.

— Да! Я умею читать ваши мысли, ваши желания, ваше прошлое и ваше будущее. Как я вас, людей, хорошо знаю! — и он почти грустно усмехнулся. — Что же ты не спрашиваешь, кто я? Догадываешься ли ты, кто перед тобой?

Он встал, и я увидел на его плечах алый плащ, подбитый мехом. Запах стал сильнее. Я вспомнил! Это был запах серы!

— Вспомнил?! — произнёс он. — Молчи! Ты недостоин произносить вслух моё имя. Я сам произнесу его: Люцифер!

Стало тихо. Только горы повторили эхом: Люцифер... цифер... фер...

Он стоял, гордо подбоченившись, подвернув одной рукой свой роскошный алый плащ. Его смуглое лицо выражало восторг упоения властью и удовлетворение произведённым эффектом.

Мне стало смешно.

— Ты?! Ты смеёшься надо мной?! Над Люцифером, властелином и князем тьмы?! Ты — обгоревший обрубок! Полутруп, лежащий там, внизу. Неужели ты ещё не понял, что я — твоя последняя надежда, твой последний шанс. Твой Бог не уберёт ни тебя, ни твой экипаж. Только я смогу изменить всё!

— Чего же ты хочешь от меня? — прервал я этот монолог.

— Вот это уже мужской разговор, — усмехнулся он и снова сел за стол. — Итак, майор Воронов, мне нужна твоя душа. Это звучит банально, но это так. Мне нужна именно та субстанция, которая сейчас находится здесь передо мной. Взамен я предлагаю очень и очень многое. Прежде всего, я предлагаю жизнь. Жизнь прекрасную во всех её проявлениях. О вечности я не говорю, её ещё нужно заслужить. Я могу вернуть тебя в прошлое и изменить будущее.

— Значит, мои ребята могут остаться в живых? — спросил я.

— Нет, голубчик, нет! Разговор идёт только о тебе. Только о твоей жизни и твоей душе. У тебя есть возможность не только летать, но и писать книги. Сколько прекрасных книг ты сможешь написать! Ты расскажешь о красоте облаков, о людях, подраживающих птицам...

Его голос убаюкивал, завораживал. Я смотрел в его глаза, и моя голова начинала слегка кружиться. В этот момент Люцифер вдруг подмигнул мне. Это было так отвратительно, словно он предлагал украсть или ограбить.

— Скажи, а зачем тебе моя душа? — спросил я.

— Ты молодец, майор! Это хороший вопрос. Все наши поступки, добрые и злые, попадают на разные чаши весов. С одной стороны — добро, с другой — зло. Вся жизнь — это борьба света и тьмы, добра и зла. Я — князь тьмы и хочу, чтобы силы тьмы поглотили свет. Поэтому я и скучаю души. Вы пополняете моё войско. Взамен я даю вам осуществление ваших желаний. Разве это плохо? Я даю вам то, что не смог дать Бог. Уже только это говорит, насколько я силён. Ты можешь сказать, что Господь Бог не оставит тебя. Но он уже оставил. Значит, он не так уж всемогущ. Ты только подумай, сколько времени добро борется со злом и не может победить его. Сколько времени люди подвергают сомнению могущество Бога и отдают свои души мне. А само разделение на тьму и свет условно. Что есть добро? А что есть зло? Кто знает, в чём истина? Истина в добре? А может, истина в зле, в эгоизме? Неужели ты не видишь, насколько нерационально добро? Что ты делал в Чечне? Ты воевал. Ты же не подставил чеченцам и правую, и левую щёку. Ты отвечал ударом на удар. Значит, вёл себя как настоящий мужчина. Помнишь девушки, которую ты встретил на пути сюда? Она была здесь и отдала мне свою

душу за право любить и быть любимой. Давай же покончим с этим разговором и перейдём к формальностям. Никаких расписок кровью. Это пошло. Просто ты сейчас снимешь свой крестик и бросишь его в темноту. Просто бросишь. И всё...

Он сам напомнил мне о крестике. Я вдруг ощутил его присутствие на груди, словно птичье крыло коснулось меня. Мне стало легче. Слова Люцифера, источавшие сладкий дурманящий яд, уже перестали действовать на меня.

«Нет, — подумал я, — отдать душу?! Купить жизнь такой ценой! А как же мои ребята, мой экипаж? Значит, я должен буду предать их!»

Моя рука медленно потянулась к нательному крестику.

«Ну, вот и славно...» было произнёс Люцифер, и вдруг лицо его исказила гримаса боли.

— Святый Боже! Святый и крепкий... — произнёс я слова полузабытой молитвы.

— Нет!!! — пронзительно закричал Люцифер.

Боль закружила меня, пронзила моё тело сотнями иголок. Больно... Укол! Укол! Укол!..

Медленно из темноты выплыло лицо жены. Я видел её страдающие, полные ужаса глаза, и мне хотелось, чтобы это побыстрее кончилось. Как жаль, что я не могу рассказать ей о том, что я сейчас видел, что пережил. Сделали укол. И вновь потолок палаты закружился надо мной. Светлые и тёмные полосы вращались над головой, словно лопасти вертолёта. Я даже услышал ровный гул двигателя и медленно-медленно стал взлетать. Потом шум двигателя стал тише, и я оказался один в небе. Это было так приятно. Полёт на высоте двадцать пять — тридцать метров. Что может быть лучше! Я видел каждую травинку, цветы. Откуда-то тянуло кизячным дымом и запахом трав. Подо мной проплывали склоны гор, поросшие кустарником, а ещё ниже, в долине, я увидел луг, заросший чертополохом. Тем самым татарником, который так хорошо описал Лев Толстой в повести «Хаджи-Мурат». В этот момент мой полёт стал неуправляемым. Меня вдруг швырнуло в заросли чертополоха и понесло сквозь них. Острые колючки рвали на мне одежду, царапали кожу, я чувствовал кровь, струившуюся по лицу. Трижды галсами меня пронзило по этому проклятому полю. Мне оставалось только утешить себя воспоминаниями о жизненной силе и жизнестойкости татарника, воспетого Львом Николаевичем. Наконец я, обессиленный, растянулся на траве. Исцарапанное тело ныло. Мой камуфлированный комбинезон превратился в лоскуты и пропитался кровью. Я лежал и смотрел на ближайший куст чертополоха, который венчала лиловая пушистая папаха цветка. Сочные зелёные стебли и мощные раскидистые лапы листвьев хищно растопырили иголки. Всем своим видом этот цветок угрожал. В нём была мрачная спокойная сила и угроза не только мне. Вдруг куст, на который я смотрел, качнулся и стал расти. Чем пристальней я вглядывался в него, тем больше он напоминал мне воина, вооружённого множеством кинжалов.

— Ну что, летун, долетался? — спросил воин. — Теперь ты лежишь в крови и грязи у моих ног. И так будет с каждым гяуром!

— А ты делишь людей только на правоверных и гяуров?

— Да! Так повелел мне Аллах. А я — раб Аллаха.

— Это неправильно. Все люди разные: добрые и злые, тупые и умные, щедрые и скучные...

— А мне всё равно. Для меня ты, жрущий свинину, сам свинья! Я вас резал и буду резать! Вы мешаете нам жить по нашим законам.

Пока мы перебрасывались короткими фразами, я собирался с силами. Рядом лежала брошенная кем-то палка, и я пытался нащупать её.

— По каким вашим законам?! — выкрикнул я. — Вы получили свободу, независимость и создали бандитское государство. Вас следовало окружить стеной, плотным кордоном — и режьте друг друга сколько хотите. А я защищаю свою страну, свою Россию от таких, как ты! Потому что вы просто бандиты, а вера тут ни при чем!

— Ах ты, баран недорезанный! — он попытался достать меня кинжалом. Но я откатился в сторону, вскочил и палкой стал рубить стебли чертополоха, не обращая внимания на боль, пронзающую моё тело при каждом движении. Рубил лиловые головы, зелёные колючие стебли остерьвенело, яростно, не замечая брызг крови из срубленных голов и листьев. Всё мировое зло для меня было в этом чертополохе. Во мне жила только одна мысль, только одно желание — бить и рубить, бить и рубить!..

— Милый, успокойся, милый! — услышал я голос жены и очнулся. Боль становилась всё сильнее. Она опустошала меня. Я понимал, что, видимо, обезболивающее уже не спасает. Кроме того, я не мог смотреть в глаза жене. Мне не хотелось оставлять её. Я видел, как она старалась взять хотя бы часть моей боли себе. Этого я допустить не мог... и взлетел.

Я летел, плотно прижав руки к телу, ввинчиваясь в ослепительно сверкающую синеву небес. Далеко внизу остались птицы, которые вначале пытались догнать меня. На горизонте снежными вершинами обозначили себя горы. Ветер, который вначале ласково трепал мои волосы, теперь обжигал. Я улетал всё выше и выше...